

ЗЕНКИН М.В.

УДК 9301.1:94 (47+57) «18»

ОБЩИННАЯ ТЕОРИЯ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ

Розглядається общинна теорія М.Г.Чернышевського та шляхи її вивчення у дореволюційній та радянській історіографії. Вказано на досягнення та вади, які були властиві дослідникам цього питання.

Ключові слова: історіографія, М.Г.Чернышевський, сільська община, селянське питання.

Рассматривается общинная теория Н.Г.Чернышевского и пути ее изучения в дореволюционной и советской исторической науке. Указывается на достижения и недостатки, свойственные исследователям этого вопроса.

Ключевые слова: историография, история общественной мысли, Н.Г.Чернышевский, сельская община, крестьянский вопрос.

There is investigated a community theory of N.Chernyshevsky and ways of its studying in prerevolutional and revolutional historiography. There are pointed out faults and achievements of this problem researchers.

Key words: historiography, history of public thought, N.Chernyshevsky, rural community, peasant question

Проблема сельской общины в России достаточно широко изучена как в дореволюционной [1], так и в советской [2] историографии. Судьба огромного сельскохозяйственного сектора всегда волновала умы ученых и общественных деятелей. Как верно отметил В.А.Александров в своей работе об истории сельской общины в России, общественно-политическая борьба вокруг нее стала причиной возникновения большого количества работ [3]. Иначе и быть не могло, поскольку в крестьянском государстве, отягощенном крепостным правом, эта проблема была одной из главнейших. Он приводит данные библиографических подсчетов, согласно которым к 1850 г. в России было издано четыре работы о сельской общине, 1855 г. – 5, с 1856 по 1860 гг. – 99, к 1880 г. – 546, а за 1876-1904 гг. более 2 тысяч [4].

Резкий всплеск интереса к проблеме общины был связан с назревшей к середине XIX в., необходимостью отмены крепостного права. Также появилась возможность широкого общественного обсуждения крестьянского вопроса, который в России той поры стал центральной проблемой. В нем же неотъемлемой составной частью стала проблема общины. В условиях общественной борьбы вокруг крестьянского вопроса проблемы общины породила ожесточенные споры, поскольку крестьянская реформа никак не могла быть осуществлена без учета общинного уклада, привычного для российского крестьянства. Александров предлагает довольно основательный анализ разброса мнений по поводу происхождения и развития русской общины в дореволюционной литературе и анализ марксистской методологии этого вопроса [5]. Он указал на существенный

недостаток в историографии: «Несмотря на обилие историографических работ, посвященных советскими исследователями отдельным сюжетам истории общественной мысли в России во второй половине XIX – начале XX в., специального обобщающего исследования об общественной и научной борьбе по проблеме общины в России пока не существует, хотя необходимость в нем более чем очевидна» [6]. Действительно, многочисленные аспекты этой проблемы изучали многие как до революции, так и после нее.

В середине XIX века в исследовании общины выделилось несколько основных течений. Полемика вокруг общины, ставшая заметным событием в общественной мысли той поры, разгорелась на основе работ идеологов славянофильства, считавших общину исконно российским институтом, гарантирующим неизменность самобытного пути исторического развития России и могущим спасти страну от революционных потрясений и бедствий капиталистического пути. Противостояла этим взглядам на общину либеральная теория Б.Н.Чичерина, который отрицал исключительно русский ее характер и утверждал, что первоначальная община исчезла еще в IX-XI вв., а ей на смену поочередно приходили иные формы. Более того, по его мнению, все основы общинного быта были порождены деятельностью государственной власти. «Даже в помещичьих имениях, где преобладает владельческий элемент, государство установило самую существенную их черту, от которой зависит все внутреннее их устройство – именно крепостное право» - писал Чичерин [7].

Идеи славянофилов и либералов-западников подверг критике Н.Г.Чернышевский, теории которого посвящена данная статья, и который полагал, что община – это общечеловеческое достояние, а различные ее формы следует изучать в их тесной взаимосвязи [8].

Начиная с 1856 г. Чернышевский пишет ряд заметок и весьма основательных статей,

посвященных этой крайне важной для крестьянства проблеме, в которых полемизирует с представителями самых разных общественных течений: «О поземельной собственности» (1857), «О новых условиях сельского быта» (1858), «Записки об освобождении крепостных крестьян» (1858), «Устройство быта помещичьих крестьян» (1859) и ряд других.

Дореволюционная историография общинной теории Н.Г.Чернышевского не очень многочисленна. По сути, изучать его произведения и широко писать о них стало возможным лишь в начале XX ст. в связи с некоторым ослаблением идеологического давления в области общественной жизни.

Более того, только советский период, с привлечением огромного массива новых архивных источников, появилась возможность изучать мировоззрение Чернышевского в достаточной степени широко и глубоко. Нам представляется целесообразным остановиться на некоторых авторах для создания более широкой картины при анализе советской историографии, являющейся главным объектом нашего внимания.

Среди дореволюционных исследователей, изучавших взгляды Чернышевского, можно выделить много крупных фигур. Он волновал тогда умы многих. Однако его общинную теорию отдельно изучали далеко не все, да и глубокого анализа этой проблемы так и не получилось.

Одним из значительных исследований идейного и научного наследия Чернышевского стала книга М.Антонова «Н.Г.Чернышевский. Социально-философский этюд» (1910), в которой автор стремился объективно подойти к исследованию его воззрений. В самом начале Антонов отмечает несправедливость преследования Чернышевского властями, что также утверждали и многие другие его современники [9].

Одной из основных целей книги, в целом достигнутой, - показать, «что Чернышевский

так всесторонне выяснил значение русской общины, что позднейшие исследователи могли лишь развивать и обосновывать в подробностях его взгляд» [10]. Касаясь же вопроса историографии, Антонов указывает на слабую изученность воззрений Чернышевского и отсутствие сколько-нибудь устоявшейся оценки его взглядов, а также на существенную разницу в ней у Р.Иванова-Разумника и Г.Плеханова. Это лишний раз свидетельствует о большой противоречивости и сложности воззрений Чернышевского, в характеристике которых нет места догматизму, который в последующем был свойственен советской исторической науке.

Оценивая аграрный вопрос в изложении Чернышевского, Антонов указывает на ряд заблуждений социалиста относительно будущего сельского хозяйства, что могло вытекать из его склонности к теоретическим построениям. Действительно, у Чернышевского, к сожалению, желаемое часто не имело практической значимости. Уже в дореволюционной историографии отмечался, хотя и недостаточно четко, больше теоретический (утопический) характер воззрений мыслителя, чем практический (реальный). Большинство его идей были направлены на будущее, если он не касался злободневных проблем российской жизни. Аграрный строй, например, представлялся ему так, чтобы трудящийся всегда имел «средства к труду», что дается государственной поземельной собственностью с общинным владением. Но, как указывает Антонов, «Чернышевский прекрасно понимал, что при тогдашних общинных условиях право каждого гражданина на землю еще не могло служить практическим требованием и все свои усилия он направил на защиту общины» [11]. Поэтому он отнюдь не был ее апологетом, как впоследствии считал ряд исследователей.

Отмечал Антонов и некоторые другие заблуждения социалиста относительно развития аграрного хозяйства [12]. Вероятно,

А.Корнилов был прав, утверждая, что Чернышевский в действительности был недостаточно сведущ в некоторых практических вопросах сельского хозяйства и крестьянского в частности.

Анализируя теорию общины Чернышевского и его отношение к аграрному вопросу, Антонов выступает против Иванова-Разумника, полагавшего, что Чернышевский энергично протестовал против государственного закрепления общины, считая это вредной мерой; также Иванов-Разумник был уверен, что Чернышевский не мог быть противником частной земельной собственности [13]. Антонов в целом обоснованно заявляет, что для подобных выводов у Иванова-Разумника не было никаких оснований.

Антонов полагает, что Чернышевский великолепно справился с задачей защиты общины от нападков со стороны ее критиков с точки зрения производства, распределения и законодательства, что и неудивительно, зная убежденность демократа в этих его позициях. Впрочем, Антонов считал, что его постиг ряд неудач в стилистическом отношении, что позволило, например, Плеханову утверждать, что Чернышевский «считал бесполезным защищать не только общинное землевладение, ни и самый принцип наделения освобожденных крестьян землей. После всего вышесказанного опровергать Плеханова излишне» [14].

Плеханов не разбирал специально общинную теорию Чернышевского, но и обойти ее вниманием, естественно, не мог. Он высоко оценивал этот аспект воззрений Чернышевского, справедливо указывая на гораздо большую объективность демократа и глубину исследования вопроса, нежели его сторонников: «Между Н.Г.Чернышевским и нынешними его будто бы последователями та огромная разница, что они относятся догматически к тому самому предмету, к которому он относился критически» [15]. Как видно, Плеханов уже тогда заметил ту особенность воззрений

Чернышевского, которая позволила Ленину превратить его в главу революционного движения России середины XIX в., по сути, – сделать главным революционером, кем он не был и к чему не стремился. К сожалению, Чернышевский был не властен над судьбой своих воззрений, искавшей его образ в последующей историографии на много лет.

Плеханов прав – Чернышевский действительно исходил из тогдашних российских социально-экономических и политических реалий и не идеализировал общину, защищая не столько этот институт, сколько коллективную собственность вообще. Более того, Плеханов полагал, что в своей статье «Критика философских предубеждений против общинного землевладения» Чернышевский говорил не столько о русской общине, сколько об общине вообще, даже скорее о споре вокруг нее, ибо не видел пока иного способа решить крестьянские проблемы. Увидев же, что она не может решить их, поскольку не было соответствующих условий для этого, Чернышевский перестал быть «апологетом» общины.

Высоко оценивая общинную теорию Чернышевского и говоря об огромном влиянии упомянутой его статьи «на развитие нашей революционной интеллигенции» [16], Плеханов указывал и на его промахи и односторонность, причину которых усматривал в том, что он был не знаком с рядом произведений К.Маркса и Ф.Энгельса, говоря о пока неразрешенной задаче «исцеления» западноевропейских государств от «язвы пролетариатства» [17]. Главным же пробелом в мировоззрении Чернышевского он видел недооценку им роли пролетариата, классовой борьбы и неверное понимание положения общины на Западе, где ее роль «безвозвратно покончена», и неточное определение экономических условий, по которым развивается Запад. Кроме того, он полагал, что «язва пролетариатства» сама из себя создает лекарство. Если бы все это Чернышевский выяснил верно, то «лучше

оценил бы тогда историческую роль пролетариата, а это, в свою очередь, дало бы ему возможность шире взглянуть на социально-политическое значение русской общины» [18].

Как видно, Плеханов сам не во всем верно понимал Чернышевского, хотя и был, по-своему, прав. Чернышевский действительно был несколько ограниченным в своих воззрениях в этом плане, сузив все до необходимости обеспечения лучших условий крестьянину. Но ведь огромная крестьянская, аграрная страна с огромным количеством феодальных пережитков не могла стать передовым государством. Без бурного промышленного развития городов, без рынка рабочей силы, без изменений в общественном сознании невозможно было осуществить экономическое горюшка, который стал бы основой для политических перемен.

Кстати, Плеханов был не единственным, кто в то время в некоторой степени отказывал Чернышевскому в глубине и широте экономических познаний. Ниже мы обратим на это внимание.

А.А.Ев. Ёй ёей а, і оаі еаау і і çеèèр
 ×аі ùøаааі а і і ёааууі нєі оаі і ді рò
 í ааі оí а даòí òí ù, óаауааè í а ааі
 і і нрāí а í úéааéо «аааа» і òрāí аа ді аа
 сāí сèèннèèò і і çеèèé. Ааааі аі і і í í а
 і ёсèè ёèèр çеé, +òí ×аі ùøааíèèé,
 і і аааòааааò ёé Аааааí ааа II ё
 ёèèаауú ùаèòаè ді ннèнāí а ааí оуі нрāа
 аі а-ааа 1858ā, і нрāí аòуí ааā ёоí і çеèèуò
 ё ааèùò а «...í а ×аі ùøааíèèè а ё í а
 Аí ааí ёр аі аа +òааú +аéí í òааè
 і і ааааā аааí нāí аí úéааí оуі ннèèуā ёè ,
 í í ааааааò ёèнуаауаауú і ннèааí оуі ннèò
 ёí ёсāñ а ё ×аі ùøааíèèé...èè í сóуò ā
 (1858 ā аа – I .Ç) çāí ā сèè óааí нí аāí
 ааааè уаèí» [19]. Уò ёí аааèèаауú í,
 сàè ёèè í í унí í óаèааè нāòуаçí óр
 í ааí ё-аí і í нòòаòí ді ù. Сāí í аí ааааā ёа
 і сàèèааууааí нāí аí аауèсāууí нçā ёèè
 ааç аú ёоí а òаç çèèè ааí í ёòаòā ё í í
 í ааòèèèнуí аí і і ùè-èè уā ёè нí аāèè
 і і ùòр нāí аé ёèèèèèè, і сàèèаауу
 сàèèèауú ùа í сèè í ù аí ù ёсāí í нòí í ā

права, неприемлемые для царизма и разорительные для помещиков. При этом, Корнилов отмечал, что Чернышевский не сопровождал эти способы призывом к революции. Корнилов не осуждал его за радикализм в вопросе отмены крепостного права, ибо сам видел, что требования передовых общественных групп России, причем не только радикального лагеря, переросли предложения правительства, а объявление воли в марте 1861 г. не удовлетворяло самих крестьян, не говоря уже о радикальных кругах общества [20].

Что же касается общинной теории, то Корнилов изучил ее, на наш взгляд, более глубоко, нежели рассмотренные выше авторы, хотя и не ставил это своей главной целью. Говоря о начале царствования Александра II, Корнилов, в целом, верно отметил, что объединенные надеждами на молодого, прогрессивно мыслящего царя, все представители российской общественной мысли выражали «полное единодушие и Чернышевский охотно протягивал руку для совместной и единомышленной деятельности и славянофилам, ... и своим петербургским собратам» [21] и в то время он не хотел чрезвычайно решительных мер, веря в намерения императора провести коренные преобразования. «В самом деле, - писал он, - чего хотим мы все? Увеличения числа учащих и выучившихся; усиления научной и литературной деятельности; проложения железных дорог; разумного распределения экономических сил и т.д.» [22].

Корнилов, анализируя отношение Чернышевского к крестьянскому вопросу, один из немногих показывает эволюцию его позиции. Перед 1858г. у него не было предмета для жгучего спора, в частности, с западниками, как в последующие годы. Корнилов предлагает основательный анализ полемики по поводу общинного землепользования, начатую Чернышевским, предложившим основополагающие тезисы в защиту общины. К ним он отнес:

1. Принцип общинного пользования землей сам по себе не может быть признан

несовместимым с успехами сельского хозяйства.

2. Напротив, по достижении государством определенной степени экономического развития (торговля, пути сообщения и др.) общинное пользование – единственный выход из бедственного положения большинства населения.

3. Англия и Франция уже вступили в этот период.

4. Россия скоро вступит в него.

5. Даже ранее при слабом развитии торговых путей сообщения мнимые неудобства общинного пользования все равно давали много пользы для благосостояния крестьян.

6. Поэтому и в настоящее время благо государства, связанное с благом населения требует сохранения общинного пользования.

7. Все возражения против него не касаются его принципов, но относятся только к одному из способов этого пользования (ежегодному переделу земли) и легко устраняются при других способах [23].

Будучи, на первых порах, в некотором роде апологетом общины, Чернышевский так был уверен в своей правоте, что писал: «Мы согласны считать всю систему опровергнутой, если будет научными доказательствами опровергнуто хоть одно из составляющих ее положений» [24].

В рамках анализа полемики того времени, Корнилов дал высокую оценку Чернышевскому как публицисту, который в резкой критике своих идеологических противников никогда не доходил до оскорбительных выпадов. И сам Корнилов уважительно относился ко всем авторам, даже если они высказывали противоположную точку зрения.

Отметив позицию Чернышевского по аграрному вопросу в 1858 г., он перешел к анализу его взглядов в последующие годы. «Итак, все, чем владеет или что возделывают для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственной собственностью в общинном владении. Затем

земли, которые не только называются частной собственностью (одного имени мало), но также и возделываются по принципу частной собственности, должны быть собственностью, потому что фактически только они выделены из общинного владения», – писал демократ [25].

Анализируя эволюцию воззрений Чернышевского по крестьянскому вопросу, Корнилов верно указал на изменение тона его статей. Если в 1856-1857 гг. он был резким с целью расшевелить общественность, то в последующем он отошел от политического тона, отдавая должное беспристрастному и основательному изложению предмета обсуждения. Возвратился он к желчному и глумливому тону лишь в конце 1858 и 1859 гг., когда его начал охватывать пессимизм и разочарование в ходе подготовки проекта крестьянской реформы. Чернышевского Корнилов показывает в этот период как непоколебимого сторонника общины, в которой он видел ступень к более совершенной стадии общественно-экономического развития, которую прошли все цивилизованные народы Европы по пути к частнособственническим отношениям. Так и Россия, по Чернышевскому, должна скорее перейти к этой относительно высокой ступени развития. Чернышевский, указывая Корнилову, старался провести мысль о том, что следующий период за господством частной собственности будет снова торжеством общинных начал высшего порядка (социалистический строй). «В этом заключалась главная задуманная мечта Чернышевского и в этом, конечно, состоит его близость к позднейшим русским народникам и так называемым социалистам-утопистам, чего не хочет признать Г.В. Плеханов» [26].

Таким образом, Корнилов объективно характеризовал Чернышевского как социалиста, но революционером никогда его не признавал, ибо из основополагающих идей мировоззрения мыслителя этого не видно.

Следует отметить, что Корнилов дает, по сути, хронологию статей по крестьянскому вопросу, прочно связывая ее с событиями, происходившими в то время. Это сразу же проясняет читателю причины появления тех или иных работ Чернышевского, их характер и направленность.

Для отображения эволюции идей Чернышевского в крестьянском вопросе Корнилов более детально останавливается на второй части его статьи «О новых условиях сельского быта», в которой он тщательно анализирует кавелинский проект. Статья вызвала бурю возмущения в правительственных кругах, усилилась цензура, а Чернышевский до конца 1858 г. проявлял в своих статьях определенную умеренность.

Лишь в конце 1858 г. он вновь берется за оружие под впечатлением ряда мер, предлагаемых по выкупу крестьянских усадеб. А в январской 1859 г. статье «Труден ли выкуп земли?» он со всей свойственной ему силой обрушился на помещиков и их намерения по организации выкупа.

Анализируя крестьянскую программу Чернышевского, Корнилов не причислял его к либералам, отдавая должное его радикализму, но и революционером также не называл. Такой дух статей демократа он совершенно справедливо объяснял тем, что адресованы они были широким кругам общественности. Ими он надеялся сформировать мощное оппозиционное движение, давление которого на власть могло бы вынудить ее к серьезным, основательным реформам.

К теме крестьянской реформы Чернышевский вернулся лишь в начале 1862 г. в «Письмах без адреса», в которых, признавая неудачу реформы, предлагал свое мнение о причинах этой неудачи.

По мнению Корнилова, преувеличенное представление о затруднительности положения бюрократии в 1862 г. и о готовности народных масс к активному выступлению погубило Чернышевского и

развивавшееся в то время русское общественное движение [27].

Н. Денисюк также был уверен в правоте Чернышевского в вопросе общины, точнее ее роли в жизни крестьян, так как он видел в ней средство от их обнищания и превращения в пролетариев [28].

Соглашаясь с распространенным среди общественности мнением о невиновности Чернышевского, Денисюк утверждал, что он никогда не был революционером «в вульгарном смысле этого слова». Денисюк убежден, и он в общем прав, что даже правительственные репрессии и полицейский разгул вряд ли могли толкнуть его на революционную борьбу. «Его вера в торжество разума, его мирозерцание, прошедшее через школу утопистов, придававших исключительное значение просветлению ума людей, его отвращение ото всякого насилия, от всяческих грубых форм борьбы, его вера в конечное торжество справедливости, его объективный ум, ясный покой души, его философская натура, более склонная к исследованию и познанию, чем к хотению и революционной борьбе, наконец его трезвый ум, подсказывавший ему, что политически зрелый элемент в русском обществе слишком слаб и малочислен, чтобы опираться на реальные соотношения сил, - никогда не могли сделать его никем иным, как только борцом в идейном смысле» [29]. Денисюк оговаривается, что не считает, тем не менее, Чернышевского только лишь «однобоким мыслителем». Действительно, он понимал всю сложность положения, был сторонником широкого общественного самоуправления и яростным врагом бюрократической системы, всячески указывая на ее основательную прогнилость.

Однако Денисюк слишком увлекается, всячески стремясь отделить Чернышевского от революционности. Он уверен, например, что Чернышевский не мог желать парламентаризма в России, ибо в таком случае «искренний, убежденный и стойкий в своих взглядах, Чернышевский должен был

примкнуть к подпольным демагогам и сеятелям революции» [30]; правда непонятно, как эти вещи могут быть напрямую связаны?. Здесь вырисовывается тот же подход, что и в советской историографии, которая, доказывая революционность Чернышевского, отметала все иные точки зрения, которые хоть как-то отодвигали его от крайнего революционизма.

Следуя логике Денисюка, можно прийти к либерализму Чернышевского, что также было бы ошибкой. Скорее он был радикалом, объективно понимавшим последствия революции и не признававший ее единственным способом общественно-политических изменений. Осознавая все ее зло, он считал невозможным оставаться в стороне, в случае, если народ не выдержит и разразится революционными выступлениями. Тогда его непременно следует возглавить и направить в конструктивное русло.

Тем не менее, Денисюк верно отрицает крайнюю революционность Чернышевского, приписанную ему в последующем. Чернышевский, указывает он, и сам прекрасно понимал, что его фигура кабинетного ученого и теоретика была бы смешна на баррикаде, с оружием в руках. Это, по его же словам, сделало бы его «бараном, который вздумал кричать козлом» [31]. Денисюк удачно назвал его «революционером за письменным столом», чего власти боялись больше, чем баррикад.

Интересную позицию по отношению к Чернышевскому выработал Р. Иванов-Разумник. Он полагает, что Чернышевский не был социалистом-утопистом. До него эти идеи были разработаны В.Г.Белинским, петрашевцами и А.И.Герценом. Что же касается романа «Что делать?», то Иванов-Разумник считает, что он был написан исключительно с пропагандистской целью [32]. Он предлагает обратиться к отзывам Чернышевского о системах утопического социализма в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Утопический социализм пережил сам себя;

сражаться с ним в середине XIX века также смешно, как, например, начать отечественную войну с идеями Вольтера; все это дела давно минувших дней, дела времен очаковских и покорения Крыма» [33]. Иванов-Разумник называет Чернышевского народником, находя доказательство этой идеи в анализе им вопроса об общине. В частности, ставя дилемму – «Национальное богатство или народное благосостояние?», он отмечает различие этих понятий, указав, что «нация» к «народу» относится также, как и «право» к «распределению». Иванов-Разумник приводит мысль Чернышевского: «...мы всегда готовы стать на стороне той партии, которая успеет доказать, что ее решение вопроса сообразно с народным благосостоянием» [34]. Но, замечает Иванов-Разумник, демократ никогда не противопоставлял нацию народу и богатство благосостоянию. Его идеал – их гармоничное сосуществование. Если же национальное богатство и народное благосостояние противостоят друг другу, то выбор однозначно делался им в пользу последнего.

Рассматривая взгляд Чернышевского на общину, Иванов-Разумник указывает на то, что на формирование его позиции отчасти повлиял К.Д.Кавелин, либерал-западник, позиция которого удовлетворяла вполне и Герцена [35]. По мнению Иванова-Разумника, Кавелин в целом правильно отвечал на вопрос о возможности свободы личности в сельской общине. Для этого он, прежде всего, разграничивал общину поземельную и административную. В последней как раз и поглощается индивидуальность. Происходит это из-за круговой поруки. Поэтому, сохраняя общину, следует отказаться от круговой поруки в административной общине и от переделов, несправедливости по отношению к лучше работающим в поземельной.

Основными формами общины тогда будут

1) пользование земельным паем, а не собственностью его, что значит отсутствие наследства и т.д.;

2) необходимым условием пользования бюджетоседлостью в данной общине;

3) так как нельзя уничтожить административную общину, а вместе с ней и подати и повинности, то нужно для «свободы лица» в общине предоставить каждому свободу отказа от земельного пая и свободу выхода из общины [36].

Иванов-Разумник также указывает, что взгляды Чернышевского на общину сложились в конце 50-х начале 60-х годов еще и под влиянием славянофильства, что, тем не менее, не следует переоценивать. Дело в том, что, с возникновением в 1855-1856 гг. социалистической концепции, он встал на сторону общины как центра кристаллизации будущего социалистического строя и в ее рамках признавал ряд стеснений для личности. Не разделяя административную и поземельную общины, он утверждал, что этим стеснением можно пренебречь ради огромного значения общины. В этом Иванов-Разумник видит родство Чернышевского со славянофилами. Но Чернышевский оговаривался: «Мы не подразумеваем себя в пристрастии славянофильскому образу мыслей, но должны сказать, что учение об отношении личности к обществу – здоровая часть их система и вообще достойно всякого уважения по своей справедливости» [37]. Чернышевский вообще уважал конструктивные моменты идей любых своих, даже самых непримиримых противников.

Однако вскоре он пришел к выводу, что принцип общинного владения и принцип свободы личности не противоречат друг другу и в 1859 г. уже твердо стоял на этой точке зрения, одновременно отстаивая общину и указывая, что выше человеческой личности на земле нет ничего.

Иванов-Разумник квалифицирует и тщательно разбирает теорию Чернышевского как народническую, останавливаясь на тех частностях, как, например, проблема национализации земли, чего требовал Чернышевский одновременно с освобождением крестьян.

Причем, вначале он был против государственного закрепления общины, чего впоследствии уже настойчиво требовал. Дело в том, что Чернышевский поначалу считал, что эта мера вредна для образования личной крестьянской собственности и привязывает к малоземельной общине лишних крестьян. «Отсюда ясно, - пишет Иванов-Разумник, - что Чернышевский не мог быть противником частной земельной собственности в 60-х годах в России; подобно Кавелину, он видел в земельной собственности корректив общинному владению и обратно, т.е. вместе с Кавелиным повторял, как мы теперь знаем, основное положение программы «аграрного социализма» Пестеля» [38]. Поэтому Чернышевский, по мнению Иванова-Разумника является сторонником мелкого частного кредита и введения ипотечной системы для обеспечения ссуды на какой-нибудь отдельный участок земли.

Иванов-Разумник отмечает общую для Пестеля, Чернышевского и Кавелина ошибку: «... частновладельческий и общинный принципы не могут служить коррективами друг друга, ибо взаимно исключают друг друга; всякая же попытка их соединения окажется обреченным на неудачу паллиативом» [39]. Также он указал и на несостоятельность идеи Чернышевского о том, что община – спасение от «страшной язвы пролетариата», так как в 70-х годах начали появляться широкие слои сельских батраков, представителей сельского пролетариата. Но ведь Чернышевский с самого начала исходил из идеи освобождения крестьян с землей без выкупа, а этого сделано не было. Попытки же как-то сгладить половинчатость крестьянской реформы так ни к чему и не привели, ибо сама отмена крепостного права была осуществлена непоследовательно.

Однако Иванов-Разумник предполагал, что Чернышевский понял свою ошибку и впоследствии стал требовать государственного закрепления общины. Что

же до идеи об общине как центре кристаллизации будущего социалистического строя, когда уже и Западная Европа дойдет до социалистической стадии развития, то эту точку зрения Иванов-Разумник считал вполне оправданной той эпохой [40].

Таково, в самых общих чертах, представление об общинной теории Чернышевского в дореволюционной историографии. В советской исторической науке отношение к нему было иным. Какое-то время после революции объективное, в смысле незаполитизированное, отношение к нему еще сохранялось, но этот короткий период был вытеснен марксистско-ленинским догматизмом, насаждавшимся в исторических исследованиях, особенно жестко с 30-х годов.

Своеобразным «прорывом» в исследовании творчества Чернышевского стал период с конца 50-х начала 60-х гг. XX в., связанный с так называемой «оттепелью». Советская историческая наука тогда обрела на некоторое время «новое дыхание» и изучение его мировоззрения, сопровождавшееся вовлечением новых источников, пошло более оживленно, глубже и шире. Общинная теория специально по-прежнему не изучалась, что было вполне оправдано невозможностью ее отделения от злободневной проблемы середины XIX в. – отмены крепостного права. Тем не менее, эта проблема, так или иначе, разбиралась учеными, получившими с конца 1950-х гг. возможность более основательно разобраться в мировоззрении демократа.

Значительное место анализу крестьянской программы Чернышевского отвел в своей работе об общественном движении 60-70-х годов XIX в. Ш.М. Левин, коснувшийся также и его общинной теории. Левин показывает его как убежденного сторонника общинного землевладения, поскольку, во-первых, в нем он видел средство против пролетаризации крестьянства, во-вторых, рассматривал его как институт, способный в будущем

облегчить переход России к социалистическому хозяйству. Идеи Чернышевского, утверждал Левин, оказали огромное влияние, как на современников, так и на последующие поколения общественных деятелей. Действительно, среди мыслителей той эпохи Чернышевский разработал теорию общины наиболее глубоко, полно и последовательно, но Левин, к сожалению, не отметил эволюцию отношения демократа к этому институту. Не было у Чернышевского и такого враждебного и пренебрежительного отношения к либерализму, как указывает Левин [41]. Русский демократ объективно оценивал идеи своих противников и, если находил в них действительно ценные и интересные позиции, то всегда акцентировал на них внимание и позитивно отзывался о ряде работ, в частности, К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина.

Характеризуя его отношение к вопросу о крестьянской реформе, Левин вслед за многими своими предшественниками и, разумеется, В.И.Лениным, находит и выпячивает «дыхание предреформенной классовой борьбы», которое «ясно чувствуется и в тех его работах, которые посвящены были иным вопросам» [42]. Левин ничего принципиально нового не добавил к уже известному и сложившемуся образу Чернышевского как борца против крепостного права, за освобождение крестьян без выкупа с землей, жестко критиковавшего всех, кто осмеливался предлагать иные проекты, хоть в чем-то ущемлявшие интересы земледельцев.

Значительный вклад в изучение общинной теории Н.Г.Чернышевского, в рамках анализа его исторической концепции, сделал В.Е.Иллерицкий, как и другие исследователи указывавший на важность крестьянской проблемы в мировоззрении Чернышевского. Вполне естественно, что он считал вопрос о судьбе крестьян самым главным в условиях России, где сельское население составляло большинство, а потому и интерес к общине

у него был повышенным. По этой проблеме ему приходилось вступать в полемику, как со славянофилами, так и западноевропейскими и российскими учеными-западниками. Иллерицкий наиболее широко показывает крестьянскую программу Чернышевского, останавливаясь на проблеме происхождения крепостного права в его освещении и общинной теории, которую демократ выводил из анализа родового быта еще древних славян, сравнивая его, в частности, с древнегерманским. Такие сравнения, как отмечает Иллерицкий, позволяли ему бороться с идеями об исключительности, «избранности» тех или иных народов, иллюстрируя это положение удачной цитатой: «Родовой быт и общинность владения точно также существовали некогда и у немцев, как некогда существовали у славян, что если у немцев менее, нежели у восточных славян сохранилось остатков этого древнего устройства, то все же сохранилось их довольно много и что, одним словом, разница здесь не в национальном характере, а только в эпохах исторического развития» [43].

Доказывая уже сложившееся мнение о том, что Чернышевский был наиболее глубоким знатоком истории общины, что позволяло ему эффективно бороться с воззрениями «врагов русской демократии», Иллерицкий останавливается на критике им теорий славянофилов, чрезмерно идеализировавших славянскую общину, а также против либералов, извращавших, по мнению Иллерицкого, вопрос об общине [44].

Славянофилы, например, видели в общине порождение «народного духа», считали ее носительницей исконных начал славянских народов. Либералы же, например Б.Н.Чичерин, полагали, что родовая поземельная община распалась в XI-XII вв., возникла вотчинная община, после распада которой в XVII-XVIII вв., утвердилась сословная фискальная община, созданная государством. Разумеется, Чернышевский не мог согласиться с этим

утверждением. Он полагал, что община не разрушалась «она только потеряла значение в общей государственной жизни, не имела влияния на исторические события, - это бесспорно; но эти события не коснулись ее внутреннего устройства...» [45].

Как указывает Иллерицкий, повышенный интерес Чернышевского к общине был также обусловлен его утопическими представлениями о возможном ее использовании для утверждения в России социалистических отношений. Правда, историк утверждает, что демократ видел путь к социализму через победоносную народную революцию. В качестве его заслуги он отмечает глубокое понимание процесса развития общины в прошлом, отказ от ее идеализации, что ставило его «высоко над враждебными революционному демократизму славянофилами и буржуазными либералами» [46]. Однако недостатком считает тот факт, что мыслитель «не поднялся до научного понимания законов общественного развития и признания исторической роли пролетариата, оставшись крестьянским демократом» [47].

Вопрос об эволюции взглядов Чернышевского на общину мало поднимался в советской исторической науке, но и не был обойден вниманием. Так, Х.С.Гуревич, например, в своей статье отметил их некоторую эволюцию в течение 1858 г. [48]. В начале, указывает Гуревич, демократ, характеризуя общину, говорит о ее многочисленных выгодах для крестьян. По его мнению, только община может предохранить их от разорения, обезземеливания и пролетариатства. Однако уже в конце года он засомневался в этом и высказал новую идею о государственной собственности на землю с общинным владением. (Впрочем, этот момент уже был отмечен ранее). Гуревич в небольшой заметке попытался охватить этот аспект воззрений Чернышевского со всех сторон, акцентировать внимание на процессе трансформации воззрений демократа, тесно

связывавшего развитие общины с отменой крепостного права. Разумеется, ограниченный малым объемом статьи, автор не смог глубоко проанализировать проблему общины, но он сделал, безусловно, правильный вывод о том, что при характеристике общественно-политических взглядов Чернышевского должна приниматься во внимание и эволюция его взглядов на общину, занимавшую одно из центральных мест в его мировоззрении. Тем не менее, Гуревич почему-то не допускал мысль о том, что имела место и эволюция воззрений демократа на пути преобразования российского общества со времени его студенческих дневниковых записей и до второй половины XIX века.

Гуревич уделил место и вопросу об авторстве прокламации «Барским крестьянам...», считая ее автором Чернышевского. Следовательно, он видел его революционером и его проекты общественных перемен, безусловно, считал революционными. Здесь заметна общая для советской историографии «болезнь» - односторонний подход к анализу наследия Чернышевского.

С.А.Новиков в достаточно обширной статье, посвященной проблеме общины, также характеризует Чернышевского как революционного демократа, полагавшего, что новые общественные отношения должны складываться через общину посредством крестьянской революции [49]. Правда, эта мысль никак не подтверждена выдержками из работ Чернышевского, что, в сущности, и невозможно, поскольку таких идей он не высказывал. Однако справедливости ради следует отметить, что Новиков, приводя ленинские оценки мировоззрения демократа, не бросается доказывать читателям их истинность. Он ограничивается лишь характеристикой общинной теории Чернышевского на фоне славянофилов, В.Г. Белинского, А.И.Герцена, Н.П.Огарева, но, к сожалению, анализ у него получился поверхностный. По сути, он лишь повторил известные до него в

науке сведения. Действительно, Чернышевский не считал общину исключительно русским институтом. Полагая же, что она несколько пережила свое время, он, тем не менее, не стремился к ее ликвидации, ибо считал средством против обнищания крестьян и способом достижения нового общественного устройства. Мало того, как указывает также и Новиков, он несколько идеализировал ее, полагая, что община способствует развитию сельского хозяйства, чем можно воспользоваться для достижения, разумеется, при благоприятных условиях, новых социалистических отношений.

Новиков, давая анализ проблемы общины в теории Чернышевского и его некоторых современников, не нашел иного, кроме ленинского, пути исследования наследия мыслителя, повсюду называя его революционным демократом.

Некоторые исследователи подошли к проблеме общины с несколько иной стороны. Так, например, Е.А. Дудзинская поставила целью проанализировать полемику вокруг сельской общины, возникшей накануне 1861 г. и продолжавшейся после нее. Обращаясь к историографии проблемы, она отметила разноречивость оценок исследователями теории Чернышевского, что свидетельствует о большой широте его научных интересов, неординарности мышления, противоречивости фигуры и попытках незаангажированно подойти к их исследованию. Демократа одно время не без основания относили к либерально настроенным общественным деятелям. Другие считали его радикалом среди либералов в ходе подготовки крестьянской реформы [50]. Это и неудивительно, ибо если проекты преобразования российского общества у него отличались гибкостью, то в вопросе ликвидации крепостничества он компромиссов не признавал и жестко отстаивал свой проект освобождения крестьян. Третьи называли его учение революционным. Сама Дудзинская относится к последней группе. Она

подвергла детальному изучению спор о русской сельской общине, объективно полагая, что в нем, по сути, и складывалась общинная теория Чернышевского [51]. Этот спор действительно стал одним из самых заметных явлений общественной жизни России, ибо был существенной частью крестьянского вопроса и отражал видение будущего российского сельского хозяйства передовыми деятелями середины XIX в.

Дудзинская дала основательный анализ видения общины Б.Н. Чичериным, И.Д. Беляевым, А.И. Кошелевым и отношения к ним Чернышевского, критиковавшего теорию Чичерина-западника. Ближе ему были некоторые положения славянофилов, но он, естественно, пошел дальше, считая общину ключевым звеном в деле реформы сельского хозяйства России, превращения крестьян в свободных собственников земли, освобожденных из-под крепостной зависимости без выкупа.

В статье Дудзинской мыслитель на фоне иных своих современников, исследователей проблемы общины, выглядит несколько завышено как корифей в этой проблеме, учивший членов дискуссии «уму разуму», грудью защищавший интересы крестьянства (что, впрочем, так и было), разработавший единственно верную революционную программу решения крестьянского вопроса. Она, на наш взгляд, в достаточной степени осветила полемику, показав в ней одно из ведущих мест Чернышевского, и, следует отметить, не так яростно выпячивала революционность демократа, стремясь объективно отразить его образ как одного из немногих в то время истинных борцов за защиту интересов крестьянства.

В последующие годы общинная теория Чернышевского практически не исследовалась и осталась недостаточно разработанной. Как видно, советские историки, по сути, к его общинной теории добавили мало нового. Новыми были только оценки, основывавшиеся, в основном, на ленинской методологии. Вероятно, это

обусловлено тем, что в общинной теории практически невозможно найти революционные призывы. Во всяком случае, этот аспект мировоззрения Чернышевского достоин нового освещения, как и все другие его стороны. Poleмика демократа с идеологическими противниками по поводу общины тоже рассматривалась односторонне, а оценки их Чернышевским порой и вовсе искажались.

Современная же историческая наука, к сожалению, обходит его труды молчанием, за исключением нескольких авторов, упомянутых выше. Да и они не стремятся к всестороннему переосмыслению общественно-политических взглядов Чернышевского и проблему общины также специально не рассматривают. Поэтому она до сих пор нуждается в переосмыслении, как, по сути, и все наследие Чернышевского, поскольку, изучая советскую историографию, создается впечатление об определенном противопоставлении Чернышевского, например, либералам в вопросе об истории общины в России.

В. А. Александров высказал доминирующую в исторической науке советского периода мысль об ограниченности суждений славянофилов и представителей «государственной школы» в историографии по этой проблеме из-за не полноты владения архивными материалами. Они основывались, по его заключению, на незначительном актовом материале, известном им, и относящемся преимущественно к центральным областям России, где крепостное право получило максимальное распространение [52]. Из этого логически вытекает мысль о том, что Чернышевский владел такими материалами, так как об ограниченности его суждений в вопросе общины не говорится. Это один из многих недостатков в исследованиях советских историков.

Выходит, что лишь Чернышевский смотрел на проблему общины и крепостное право «правильно» и только критиковал «ошибочные» суждения своих

идеологических противников. При этом, авторы советского периода, часто преподносят его общинную теорию едва ли не как вершину вопроса, а сам демократ выглядит учителем. Это, конечно же, преувеличение.

Н. Г. Чернышевский, как и другие его современники, через проблему общины доказывал свои собственные теоретические построения, часто утопичные. Вряд ли вообще можно назвать единственно верной чью-либо точку зрения в этом вопросе, как и по крестьянской проблеме в целом. В советской же исторической науке это зачастую делалось. Чернышевский лишь по-новому подошел к проблеме цели существования общины, ее значения для будущего России. И если в поздних своих работах о ней он уже не считал общину панацеей от всех бед крестьянства, то по-прежнему считал ее средством перехода к новому общественному устройству. Это не раз отмечалось учеными-историками, но недостатком их работ также была существенная политизация исторических исследований. Общинная же теория Чернышевского, где он неизменно выходил на социализм, в советской историографии никак не могла быть охарактеризована с подлинно научных позиций, лишенных идеологического давления. Не было создано и обобщающего исследования, посвященного развитию общественной мысли вокруг проблемы крестьянской общины в России. Очевидно по той же причине излишней политизации истории крестьянского вопроса.

Примечания:

1. Архангельский П. Г. К вопросу о происхождении русской общины // «Сборник статей в честь Д. А. Корсакова». – Казань, 1913; Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. – М., 1903; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. – Т. 1. – М., 1909; Бржецкий Н. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян. – СПб., 1902; Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах – СПб., 1876; Ефименко А. Южная Русь. – СПб., 1905; Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве

- (XVIIв)//Вестник Европы. – 1871. – Т. 1; Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России барона Августа Гакстгаузена. – М., 1870; Кауфман А.А. Документы живая история русской общины. – СПб., 1904; Он же К вопросу о происхождении русской земельной общины. – М., 1907; Он же Русская община. В процессе ее зарождения и роста. – М., 1908; Качаровский К.Р. Русская община. – М., 1906; Куплевасский Н. Состояние сельской общины в XVII веке на дворцовых землях и землях духовных и светских владельцев. – К., 1877; Лалош А. Сельская община в Олонекской губернии // Отечественные записки. – СПб. – 1874. - № 2; Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. – СПб., 1890; Он же Очерки истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй. – Т. 1. – СПб., 1905; Милоков П. Очерки по истории русской культуры. – СПб., 1904; Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. – СПб., 1879; Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. – СПб., 1877-1878; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. – Т. 1. – СПб, 1903; Он же Очерки по истории крепостного права в Великороссии во второй половине XVIII в. // Русская мысль. – 1881. – Кн. V; Соколовский П.А. Очерки истории сельской общины на севере России. – СПб., 1877; Он же Экономический быт земледельческого населения и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. – СПб, 1878; Чичерин Б.Н. Опыт по истории русского права. – М., 1858; Щепотьев С. Законодательство старинные формы землевладения на Севере // Северный вестник. – СПб., 1886. – Отд 2; Он же К истории разрушения сложных форм общинного землевладения на Севере // Русская мысль. – 1882. - № 12; Щербина Ф. Русская земельная община // Русская мысль. – М., 1880. – Кн. V; Энгельман И. История крепостного права в России. – М., 1900 и другие.
2. Вдовина Л.Н. Вопрос о происхождении крестьянской общины в русской дореволюционной историографии // Вестник Московского университета. История. – 1973. - № 4. – С. 33-50; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. – М., 1952; Данилова Л.В. Место общины в системе социальных институтов // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Вып. II. – М., 1972; Дружинин Н.М. А. Гакстгаузен и русские революционные демократы // История СССР. – 1963. - № 3; Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. – Л., 1925; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. – М., 1967; Лаптин П.Ф. Община в русской историографии последней трети XIX-начала XX в. – К., 1971; Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII века. – Л., 1967; Шапиро А.Л. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII века // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского. – Т. 1. – Серия исторического факультета – Вып. 1. – Саратов, 1939 и другие.
 3. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). – М.: Наука, 1976. – С. 3.
 4. см.: Там же. – С. 3.
 5. см.: Там же. – С. 3-46.
 6. Там же. – С. 4.
 7. Чичерин Б.Н. Опыт по истории русского права. – М., 1858. – С. – 140.
 8. Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения. – М.: Соцэкгиз, 1948. – С. 696.
 9. Антонов М. Н.Г. Чернышевский. Социально-философский этюд. – М., 1910. – С. 3.
 10. Там же. – С. 4.
 11. Там же. – С. 198.
 12. см.: Там же. – С. 184, 185, 186, 189-192.
 13. см.: Там же. – С. 200-201.
 14. Там же. – С. 214.
 15. Плеханов Г.В. Несколько слов в защиту экономического материализма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 т. – Т. 2. – М.: Госполитиздат 1956. – С. 219.
 16. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Там же. – Т. 1. – С. 138.
 17. см.: Там же. – С. 143.
 18. Там же. – С. 144.
 19. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 444.
 20. см.: Там же. – С. 452.
 21. Корнилов А.А. Чернышевский и крестьянская реформа // Русская мысль. – 1910. – Кн. 1. – С. 2.
 22. Цит. по: Там же. – С. 2.
 23. Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах. Апрель 1857 // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – Т. IV. – М.: Гослитиздат 1948. – С. 757-758.
 24. Там же. – С. 758.
 25. Чернышевский Н.Г. О поземельной собственности // Там же. – С. 439.
 26. Корнилов А.А. Указ соч. – С. 9.
 27. см.: Там же. – С. 26.
 28. Денисюк Н. Николай Гаврилович Чернышевский. Его время, жизнь и сочинения. – М., 1908. – С. 98.
 29. Там же. – С. 143-144.
 30. Там же. – С. 146.
 31. Там же. – С. 150.
 32. Иванов-Разумник Р.В. Герцени Чернышевский // Критическая литература о произведениях Н.Г.Чернышевского. – М., 1908. – 161.
 33. Там же. – С. 162.
 34. см.: Там же. – С. 163.
 35. см.: Там же. – С. 171.
 36. см.: Там же. – С. 172.
 37. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – Т. III. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 88.
 38. Иванов-Разумник Р.В. Указ соч. – С. 175.
 39. Там же. – С. 176.
 40. см.: Там же. – С. 177.

41. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX в. – М.: Соцэкгиз, 1958. – С. 121.
42. Там же. – С. 115.
43. Чернышевский Н.Г. Из № 9 Современника. Архив историко-юридических сведений изд. Н.Калачевым, т. II. 1-я половина // Указ соч. – Т. II. – С. – 738.
44. Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеров-демократов. – М.: Соцэкгиз, 1963. – С. 101-102.
45. Чернышевский Н.Г. Заметки журналах. Апрель 1856 г. // Указ соч. – Т. III. – С. 649.
46. Иллерицкий В.Е. Указ соч. – С. 106.
47. Там же. – С. 106.
48. Гуревич Х.С. Об эволюции взглядов Н.Г.Чернышевского на общину // Вопросы истории. – 1975. - № 7. – С. 199-202.
49. см.: Новиков С.А. Проблема общины в философии славянофилов и русских революционных демократов // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 233.
50. см.: Корнилов А.А. Крестьянская реформа. – СПб., 1905. – С. 113.
51. см.: Дудзинская Е.А. Чернышевский и спор о русской общине // История СССР. – 1978. – № 5. – С. 59.
52. Александров В.А. Указ соч. – С. 5.